

«КАНТ ВОСПРИНИМАЕТ СВЕДЕНБОРГА СЕРЬЕЗНО»: ИНТЕРВЬЮ С ГЛЕННОМ МЭЙГИ

Станислав Панин (СП): Вы являетесь специалистом по немецкой классической философии, западному мистицизму и эзотеризму. Почему, по Вашему мнению, эти темы важны для современных ученых?

Гленн Мэйги (ГМ): Прежде всего, стоит сказать, что это три различные – и весьма обширные – области, а что касается моих исследований, то они относятся, прежде всего, к тому, как эти области пересекаются.

Самый простой ответ на Ваш вопрос о значении подобных исследований состоит в том, что каждая из этих областей заслуживает интереса ученых уже потому, что все рассматриваемые здесь явления оказали чрезвычайно большое влияние. Немецкая философия сформировала мир, в котором живем, в культурном и политическом отношении. А мистицизм и эзотеризм представляют собой существующий с глубокой древности способ выражения духа, то есть раскрытия человеческой природы.

Однако действительная причина, почему немецкая философия, западный мистицизм и западный эзотеризм важны, состоит в том, что это невероятно богатые и глубокие традиции, которые могут многому научить нас о человеке и мире.

СП: Какие ученые в наибольшей степени повлияли на Ваше решение заняться этими темами и на Вашу работу?

ГМ: Исследователем, который привел меня к идее связать немецкую философию с мистицизмом и эзотеризмом был Эрик Фегелин (*Eric Voegelin*), поскольку он утверждал, что Гегель принадлежал к герметической традиции. Своим пониманием связи между Якобом Беме и Гегелем я обязан работам Дэвида Уолша (*David Walsh*) и Сирила О’Регнана (*Cyril O’Regnan*). В том, что касается понимания западного эзотеризма, на меня оказали влияние Фрэнсис Йейтс и Антуан Февр. Исследователями Гегеля, оказавшимися для меня наиболее важными, были Дональд Филип Верене, а также Дж.Н. Финдли, Дж.Р.Г. Мур и в особенности Эррол Харрис.

СП: Вы говорите об эзотеризме и мистицизме через «и», но некоторые исследователи, например, Артур Верслус, предпочитают рассматривать мистицизм как форму эзотеризма. Каково Ваше мнение о соотношении этих терминов? Как эзотеризм соотносится с мистицизмом и как Вы определяете эти термины?

ГМ: Точка зрения Гершома Шолема по этому вопросу состояла в том, что мистицизм принципиально невыразим, в то время как эзотерические учения можно выразить словами, но они намеренно держатся в секрете. Вряд ли, конечно, это можно считать верной трактовкой эзотеризма, учитывая, что некоторые эзотерические учения не держатся в тайне и никогда не держались. Тем не менее, я полагаю, что Шолем был прав, когда говорил о мистицизме как о чем-то принципиально непередаваемом. Сущность мистицизма отражена в концепции «гнозиса»: непосредственного восприятия реальности как таковой. Поскольку все в нашем опыте проистекает из этого источника, сам источник никогда не может быть понят в терминах и категориях, которые мы используем для описания обычных вещей.

В предисловии к «Кембриджскому справочнику по западному эзотеризму и мистицизму» я говорю о том, что в основе эзотеризма лежит вполне конкретное мировоззрение, ядро которого составляет восприятие мира как взаимосвязанного целого, наполненного соответствиями и симпатическими связями, и самое главное из таких соответствий – соответствие макрокосма и микрокосма. Но ведь в действительности это одновременно ни что иное как ядро мистического мировоззрения, «доктрина», основанная на попытке оформить вербально то, что мистики познали в форме гнозиса. Получается, что мистицизм представляет собой фундамент для эзотеризма. Но более корректно было бы сказать, что эзотеризм основан на гнозисе – или непосредственно (когда сам эзотерик переживает мистический опыт), или опосредованно (когда эзотерик принимает на веру чье-то свидетельство о таком опыте). Мистицизм, таким образом, или дает нам способ получить определенный опыт, или предоставляет свидетельства тех, кто его уже получил. Многочисленные явления, объединенные под названием «эзотеризма», в свою очередь, в большей мере состоят из техник

или практик, относящихся к более узким областям: алхимии, астрологии, магии, нумерологии, гематрии, видениям других миров, спиритическим опытам и т.д. Если мистицизм – это «гнозис», то эзотеризм – это «технэ» (техника или искусство). И, как я уже говорил, это технэ основано на гнозисе. Эзотеризм практически невозможно себе представить, если не держать в голове его истоки, связанные с мистическим гнозисом. И здесь вполне корректно будет утверждение о том, что гнозис ведет к эзотерическому технэ, то есть к развитию различных «окультиных наук» и занятию ими. Все это я более подробно рассматриваю во введении к указанной выше работе.

СП: Название Вашей работы «Гегель и герметическая традиция» звучит как отсылка к книге Ф.А. Йейтс «Джордано Бруно и герметическая традиция». Была ли эта отсылка сделана намеренно?

ГМ: Да, заголовок моей книги – это прямая отсылка к Йейтс, более того, это знак моего уважения к ней, поскольку образ герметизма, который я использую в своей работе, в значительной мере опирается на ее идеи.

СП: Что Вы можете сказать о Йейтс и ее работах? Являются ли они актуальными для современных исследователей или все же устарели к настоящему времени?

ГМ: Сейчас модно утверждать, что идеи Йейтс устарели и что «парадигма Йейтс» (прежде всего, тезис о существовании «герметической традиции») несостоятельна. Несмотря на это, то, что Йейтс является гигантом в сфере академического изучения эзотеризма – непреложный факт. Вполне типично для науки то, что когда какой-то автор открывает новую область исследований и, фактически, безраздельно доминирует в ней, за ним следует поколение или два исследователей, которые строят свою репутацию на его или ее критике. Тем не менее, все мы стоим на плечах Фрэнсис Йейтс. Конечно, в ее работах есть недостатки, и иногда она делает слишком поспешные выводы, однако они остаются классикой, и в основном, я полагаю, ее выводы по-прежнему вполне актуальны.

СП: Что такое «герметическая традиция», о которой Вы пишете?

ГМ: Мое понимание герметической традиции не особо отличается от того, как ее понимала Йейтс. Герметизм в этом смысле представляет собой традицию, происходящую из текстов «Corpus Hermeticum» и ставшую результатом многовекового развития, включавшего различные влияния и соединение с идеями из иных источников. Мыслители, которых я определяю в качестве «герметических», обычно отрицают ту форму мистицизма, которая останавливается на божественной «тайне», и утверждают вместо этого, что возможно актуальное, дискурсивное знание природы Бога, в противоположность простому переживанию «непосредственного опыта». При этом обычно герметизм идет еще дальше, утверждая прямо или косвенно, что Бог для того, чтобы актуализироваться, нуждается в своем творении, в особенности в людях, которые созерцают его. Как отмечали ранее другие исследователи, герметизм можно рассматривать как позитивную форму гностицизма, позитивную настолько, что она не очерняет творение, но приписывает ему центральную роль в бытии Бога. Идеал герметиста состоит в том, чтобы объять природу Бога, а стало быть и реальности как таковой, во всеохватной системе мысли. Обладание такой всеобъемлющей мудростью, как предполагалось, должно было привести индивида к совершенству и могуществу. Семена этих представлений были заложены в «Corpus Hermeticum» и проросли в Эпоху Возрождения. В более конкретных случаях слово «герметизм» может относиться не только к этим представлениям, но и к совокупности других тем, мало связанных друг с другом, включая алхимию, экстрасенсорное восприятие, лозоходство, каббалу, масонство, месмеризм, розенкрейцерство, доктрины «prisca theologia» и «philosophia perennis», идеи «соответствий», «космических симпатий», а также витализм. Традиционно «герметические» мыслители интересовались большинством из этих тем.

СП: В книге «Гегель и герметическая традиция» Вы начинаете с того, что пишете: «Гегель – не философ». Что Вы имели в виду?

Может быть, давно пора его исключить из учебников по истории философии?

ГМ: Предложение, которое Вы процитировали, кажется непонятным только в отрыве от контекста. Как я объясняю в самой книге, слово «философ» означает «любящий мудрость» (то есть тот, кто стремится к мудрости). Однако Гегель претендует (имплицитно) на то, что он уже достиг мудрости, создав философскую систему, которая дает нам знание о мире в целом. Так что выходит, что он как бы превзошел любовь к мудрости. Он больше не тот, кто любит мудрость или ищет ее, он обладает ею. Хотя, справедливости ради, я должен специально оговорить, что Гегель сам никогда не делал столь высокомерных заявлений, однако эта претензия очевидным образом вытекает из сказанного в его работах. Поэтому в буквальном смысле слова Гегель не является философом. Но значит ли это, что фигуру Гегеля следует исключить из учебников по истории философии? Ни в коем случае. Ведь история философии – это и есть ни что иное как процесс, в котором люди пытаются достичь совершенства в своей любви к мудрости, обрести ее. Гегель представляет одну из таких попыток и, на мой взгляд, эта попытка была одной из наиболее успешных за всю историю философии.

СП: Если герметизм так сильно повлиял на философию, можно ли сказать, что «герметическая традиция» тоже представляет собой своего рода разновидность философии? Может быть, нам стоит говорить о «герметической философии»?

ГМ: Все зависит от того, как Вы определяете философию. Выше я уже говорил, что буквально философия означает «любовь к мудрости». Если ограничиться этим, то мистицизм относится к философии, равно как и эзотеризм. Тем не менее, традиционно философия понимается как особое отношение к мудрости, которое характеризуется рациональностью и дискурсивностью. Такова традиция философии на западе. Поэтому, когда я преподаю курс западной философии, я обычно не включаю туда мистиков и эзотериков. В некотором смысле философия представляет собой западный проект, основанный на определенных предположениях и вполне конкретном методе. Иногда граница между философией

и мистицизмом на западе оказывается весьма размытой, однако обычно ее довольно легко провести: философия аргументирует, а мистицизм – нет. Философия предполагает, что предельная истина познаваема и выразима, мистицизм придерживается точки зрения о том, что она невыразима и непостижима в категориях нашего обычного мышления. Но если отложить в сторону это понимание философии как особой западной традиции мышления, лично я думаю, что мистики являются теми, кто «любит мудрость». Так что если Вы спросите меня, можем ли мы говорить о «герметической философии», я отвечу: «Почему бы и нет?»

СП: Вы были одним из переводчиков книги, посвященной изучению восприятия Кантом творчества Сведенборга. Существуют две точки зрения относительно работы Канта «Грезы духовидца». Одни считают, что Кант в ней раскритиковал Сведенборга, а другие убеждены, что Кант рассматривал его как серьезного философа. Что Вы думаете об этом?

ГМ: Мне кажется, что только поверхностный читатель будет утверждать, что Кант пренебрежительно относился к Сведенборгу. Конечно же, большинство философов охотно предпочли бы свести все к такому простому решению. Как я уже говорил ранее, философы воспринимают то, что они делают, как нечто отличное от мистицизма, и обычно они враждебно настроены по отношению к нему. Поэтому идея о том, что Кант мог в действительности воспринимать Сведенборга всерьез, кажется им невыносимой. Похожая ситуация есть и в изучении творчества Гегеля, когда речь заходит о его отношении к Якобу Беме. Исследователи концентрируются на критических высказываниях Гегеля о Беме (например, когда он пишет, что Беме был «варваром») и на этом основании утверждают, что Гегель «решительно отверг» его идеи. В итоге доходит даже до прямого искажения фактов. Это как раз тот случай, когда люди видят то, что хотят видеть. Я встречал, например, исследователей, которые считали, что Гегель «развенчивает» животный магнетизм в своей философии субъективного духа, хотя он вполне откровенно пишет – причем в необычайно ясной для его творчества форме, – что он верит в животный магнетизм.

В случае Канта, я думаю, вполне достоверно было показано, что «Грезы духовидца» – на самом деле пример эзотерического текста: за поверхностными насмешками скрывается то, что Кант воспринимает Сведенборга вполне серьезно и даже находится под его влиянием. Однако сама постановка вопроса подразумевает ложную необходимость выбора. Правда в том, что Кант, конечно же, критиковал Сведенборга, но это вовсе не значит, что он не относился к нему всерьез как к мыслителю. Другое дело, что вряд ли Кант воспринимал Сведенборга в качестве философа.

СП: Пожалуйста, расскажите немного о «Кембриджском справочнике по эзотеризму и мистицизму», который будет издан в 2016 году. Стоит ли нам покупать эту книгу?

ГМ: Конечно же стоит! У нас получился очень содержательный сборник статей, включающий тридцать шесть работ. В число его авторов вошли такие крупнейшие специалисты по изучению эзотеризма как Антуан Февр, Жан-Пьер Брак, Вутер Ханеграаф, Артур Верслуис, Джоселин Годвин, Лоуренс Принсип и многие другие. Есть там и ряд эссе, написанных менее известными авторами. Как правило, это более молодые исследователи, чьи работы очень свежи, оригинальны и стимулируют дальнейшие мысли по теме.

Я также включил туда развернутое введение, в котором пытаюсь определить эзотеризм и мистицизм и продемонстрировать (о чем я уже упоминал выше) их тесную связь. Завершающая часть введения посвящена методологическим проблемам, связанным с изучением эзотеризма, и предлагает критическое рассмотрение некоторых современных подходов. Это, несомненно, должно вызвать дискуссию.

СП: В «Кембриджском справочнике» есть Ваша статья о Гурджиеве. Почему Вы решили обратиться к этой фигуре?

ГМ: Изначально в сборнике не было запланировано эссе, посвященного Гурджиеву, поскольку издательство ограничило нас тридцатью пятью эссе. Это означало, что некоторые темы придется оставить «за бортом», в том числе Гурджиева и его школу. Однако, перечитав сборник, я понял, что его отсутствие было большим

упущением. Отчасти, вероятно, я обратил на это внимание потому, что как раз перечитывал работы Гурджиева и посвященные ему исследования. По моему мнению, идеи Гурджиева, без сомнения, были очень глубокими, и вполне возможно, что он являлся одним из наиболее значимых духовных лидеров прошлого века. Поскольку решение написать о нем было принято достаточно поздно, мне оставалось только написать его самостоятельно: издание сборника и так затянулось на несколько лет, и я не хотел рисковать еще больше задержать его публикацию.

СП: Некоторые исследователи полагают, что имеет место определенный разрыв между британскими и американскими исследователями эзотеризма с одной стороны и континентальными европейскими исследователями, такими как В. Ханegraаф, – с другой. Что Вы думаете относительно этого? Существуют ли заметные различия между исследователями эзотеризма в США и в Европе?

ГМ: Действительно, прежде всего, есть весьма заметное различие между англоязычными исследователями эзотеризма и исследователями из континентальной Европы, особенно из Франции, Германии и Нидерландов. Я думаю, что американские и британские исследователи (но прежде всего американские) имеют гораздо больше свободы в плане того, что является допустимым при рассмотрении эзотеризма.

Насколько я могу судить, в европейском научном сообществе существует сильное давление на исследователей эзотеризма, смысл которого состоит в том, что ученый должен убедительно доказать, что он не имеет ни личной заинтересованности, ни симпатии по отношению к тому, о чем он пишет. В результате некоторые из них объявили себя «методологическими агностиками» и отвергли работы таких глубоких исследователей эзотеризма как Элиаде, Корбен, Юнг и Генон. А между тем все эти авторы имели глубокий философский интерес к эзотеризму. Они стремились опираться на факты, но вместе с тем они искали и чего-то намного большего: они хотели научиться чему-то у тех, кого они изучали. Именно это стремление сегодня подвергнуто анафеме – не только в Европе, но и в США.

Более всего мне представляется интересным то, что, хотя защитники методологического агностицизма много говорят о «конструировании дискурсов», часто непонятно, обращают ли они внимание на то, до какой степени их собственный дискурс является конструктом, созданным для того, чтобы быть приемлемым в современном академическом мире. При этом в особенности проблематично здесь то, что эти авторы вынуждены втискивать изучение эзотеризма в границы постмодернистского историцизма и релятивизма.

СП: Среди наших читателей есть, в том числе, студенты, специализирующиеся на истории философии и смежных темах. Что бы Вы посоветовали тем из них, кто хочет заняться изучением эзотеризма и его влияния на философию?

ГМ: Я бы посоветовал им разрабатывать эту тему с осторожностью. Эзотеризм и мистицизм на философских факультетах воспринимаются с изрядной долей подозрения. Консервативно настроенные историки философии не очень-то рады слышать о том, что их любимые философы испытали влияние «иррационализма», так что мне было нелегко объяснить смысл моей работы большинству профессиональных философов и убедить их в ее важности. Тем не менее, я ни на минуту не пожалел о том, что выбрал такой путь. Так что всем, заинтересованным в том, чтобы заняться изучением связи эзотеризма и философии, я бы посоветовал смело браться за дело, если они видят в этом свое призвание.